

Джин Макин

Любовницы
ПИКАССО

INSPIRIA

Москва

2024

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

Jeanne Mackin
PICASSO'S LOVERS

Copyright © 2024 by Jeanne Mackin
All rights reserved

This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Кирилла Савельева*
Художественное оформление *Натальи Каштыкиной*

Макин, Джин.

М15 Любовьницы Пикассо / Джин Макин ; [перевод с английского К. Савельева]. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с.

ISBN 978-5-04-194854-2

1950 год, Нью-Йорк. Начинающая журналистка Алана Олсон хочет написать статью о Пабло Пикассо, чтобы получить заветную должность в популярном журнале об искусстве. Она едет к давней приятельнице художника Саре Мерфи и благодаря ее рассказам погружается в историю богемной жизни Французской Ривьеры, узнает тайны личной жизни и картин Пикассо. Но с каждой новой подробностью Алана понимает, что самый необычный портрет, который она когда-либо видела, — это ее собственный.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Савельев К.,
перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-194854-2

Тиму Кину

Смысл жизни в том, чтобы найти свой дар.

Пабло Пикассо

ЧАСТЬ I

1

*Париж,
1953 год*

ИРЕН ЛАГЮ

Мой любовник Пабло Пикассо, величайший из когда-либо живших художников, мог не прожить и одного дня.

После рождения он был похож на голубовато-белую восковую статуэтку младенца; не шевелился и не издавал никаких звуков. «Мертворожденный», — прошептала медсестра. Его мать так измучилась во время родов, что не отреагировала. Но дядя, который расхаживал по коридору вместе с отцом Пабло, еще никогда не видел мертворожденного ребенка, и ему стало любопытно. Он так низко склонился над младенцем, что кончик его зажженной сигары коснулся кожи малыша.

Пабло — все еще голубовато-белый — заворочался и захныкал. Его лицо покраснело, потом он энергично заголосил. Величайший из когда-либо живших художников — уверяю вас, не только по моему мнению! — решил жить. Огонь вернул его к жизни. Огонь поддерживает его жизнь.

— Рожденный огнем, — говорю я.

— Что такое? — через много лет после своего чудесного рождения Пабло отворачивается от зеркала

над умывальником и впивается в меня своими всевидящими черными глазами.

Мы вместе поужинали в кафе «Флер» и провели ночь в его студии на набережной Гран-Огюстен; улеглись среди ящиков, холстов и статуй. Десятилетия его работы были собраны в одном месте, которое, как он надеялся, будет безопасным во время немецкой оккупации. В основном так оно и было. На самом деле, они иногда приходили к Пабло, чтобы что-нибудь купить, хотя режим объявил его декадентом. Он продал немцам несколько картин.

Еще он слушал — очень внимательно: на тот случай, если вдруг проскользнет что-нибудь полезное для французского Сопротивления. Он подшучивал над немецкими солдатами, которые расхаживали по нашим бульварам и сидели в наших кафе во время оккупации. Это были шутки на тайном французском сленге, и солдаты лишь делали вид, будто понимают их. Как и задумал Пабло, они были оскорбительными для немцев.

Люди говорили, что мой любовник живет только ради искусства, а женщины и политика не имеют для него такого значения, как живопись и скульптура. Но люди меняются. Когда Франко и Гитлер разрушили тот испанский город, Гернику, Пабло изменился. Невозможно смотреть на кричащих матерей и убитых детей на фоне всеобщей жестокости и думать: *«Этому человеку наплевать на людей и политику»*.

И я видела, как меняется его лицо, когда он говорит о Франсуазе¹ — женщине, которая уходит от него.

---

¹ Мари Франсуаза Жило — французская художница, живописец и график, мемуаристка. Обрела известность в 1964 году, опубликовав автобиографию «Моя жизнь с Пикассо», описывающую ее взаимоотношения со знаменитым художником в 1943–1953 годах. (Прим. ред.)

— Думаю, сегодня будет отличный день, — сказала я. — Но возвращайся в постель, Пабло! Еще слишком рано.

Я разгладила простыню, смятую и влажную после нашей маленькой вакханалии, и похлопала по ней ладонью.

— Скоро приедет авто. Если я не буду готов, Поль начнет жать на клаксон и устроит сцену на улице. Он такой же чокнутый, как и его мать!

— Ольга действительно обезумела? Мне всегда казалось, что у нее есть к этому склонность. Хотя твоего общества достаточно, чтобы взбесить любую женщину. Почему вы просто не разведетесь?

Остается лишь гадать, какой была бы моя жизнь, если бы я вышла за Пабло, когда мы оба были молодыми. *«Вряд ли счастливой»*, — думаю я. Нет, я сделала правильный выбор! И все же...

Как же хорошо находиться подальше от горничных, составления меню и прочих домашних обязанностей, которые крадут время женщины и мешают ее творчеству! Нас не пускают за закрытые двери так же просто, как мужчин.

Пабло возвращается к своему отражению в зеркале и изучает его, проводя бритвой кривую линию по белой пене на щеке и обнажая плоть цвета спелой оливки. Еще одно произведение искусства!

— Одевайся поскорее, — говорит он. — Ольга не согласится на развод, и тебе известно об этом.

— Ты говоришь так уже несколько лет. Наверное, очень удобно иметь жену, которая живет отдельно и не дает тебе жениться на другой женщине.

Он бросает мне мокрое полотенце.

— Вставай! Скоро приедет автомобиль.

— Только послушай себя, любимый! «Автомобиль». «Шофер». Я помню дыры в твоих башмаках, когда между нами все только начиналось!

— Это было давно. И он не просто шофер, а мой сын.

— Да, многое изменилось... — Я скручиваю сигарету, закуриваю и позволяю простыне упасть с моей обнаженной груди.

Я вижу, что он смотрит туда, а не на мое лицо, поэтому поднимаю плечи и слегка потягиваюсь. Он ухмыляется.

Взгляды Пабло похожи на мазки кисти. Одни бывают долгими, медлительными, с насыщенной текстурой и пигментом. Другие — короткими, поверхностными и даже случайными. Сейчас его взгляд где-то посередине этого спектра.

Когда-то он находил достаточно для создания целой картины. Он видел кожу, кости и мышцы, уверенность или неуверенность в глазах модели. Он видел прошлое, настоящее и будущее одновременно и изображал их так, как будто время не имело значения.

Да, так он рисовал меня. Всю и сразу, угловатую геометрию тела — и он делал из меня нечто вечное и прекрасное. Вот что художник может сделать для женщины! Когда другие мужчины смотрели на меня, я видела только их желание, стремление обладать мною. Когда Пабло смотрел на меня, его лицо преисполнялось радостного изумления, готовности перевести его в карандашные штрихи и мазки кисти.

Весна, второй год Первой мировой войны. Мне еще не исполнилось двадцати, и я вернулась из холодной и голодной Москвы, где буханка хлеба стоила как шелковое платье. Мой покровитель, великий русский князь, завел привычку сидеть в своем саду под безлиственными ветвями, заламывая пальцы и хмурия

брови. Он ощущал скорую гибель, как и большинство старых аристократов. Но я не хотела разделить с ним эту участь. Обрато, в Париж!

Когда Пабло впервые увидел меня, я сидела около фонтанчика Уоллеса на Пляс-Эмили, запрокинув лицо к солнцу, словно кошка, которая радуется ясному дню. Я гадала, какие приключения найду на свою голову, кем будет моя новая любовь и будет ли у этого человека хорошая еда. Было начало лета. Я украла кулек вишен и рогалик на рынке Лезаль, но у меня урчало в животе.

У меня была при себе меховая накидка, годная для продажи, но она могла пригодиться зимой. У меня было жемчужное ожерелье, но оно так мило смотрелось на мне, что я бы не рассталась с ним даже за сытный обед.

Пабло нашел меня. Я открыла глаза — и вот он: маленький симпатичный черноглазый испанец, смотревший на меня так, как будто раньше никогда не видел женщину.

Я оглянулась на тот случай, если его внимание привлекло нечто, расположенное за фонтаном; но нет, он глядел на меня. Я выпрямила спину и слегка повернулась, чтобы продемонстрировать свое лицо с наиболее выгодной стороны.

Пабло и его друзья только что позавтракали. Я ощущала запах розмарина и тушеного мяса в их дыхании. Но если его друзья пошатывались от дешевого вина, то Пабло был трезвым как стеклышко.

— Пойдем со мной, — сказал этот мальчик-мужчина и протянул руку.

— Нет. С какой стати? — Я отступила, изображая безразличие.

— Потому что я нарисую тебя, и ты будешь жить вечно. — Он подошел ближе и обнял меня.

— До того, как мы переспим, или потом? — Я засмеялась и отшатнулась от него.

Собственно, у меня не было возражений против близости, но я совсем недавно рассталась с великим князем, который дарил мне жемчуга перед завтраком. Какой толк будет от этого художника с краской под ногтями, у которого, скорее всего, нет и гроша за душой?

Я выскользнула из его объятия и ушла. Но мы оба понимали, что между нами что-то произошло.

Он следил за мной. Или я следила за ним? В течение недели мы сталкивались почти ежедневно — Париж не так велик, чтобы одни художники не знали, где найти других (а у меня тоже была краска под ногтями), — и каждый раз он говорил «Пойдем со мной», а я отвечала отказом.

Однажды субботним вечером я возвращалась в свою комнату на улице Лепи — тогда я пела в кафе за бесплатную еду, как вдруг симпатичный испанец подкрался сзади и подтолкнул меня в коляску. Мною владело любопытство, а не испуг. Куда он меня отвезет? Каким любовником окажется?

Мы приехали к старой вилле на окраине Парижа. Зияющие дверные проемы, вонь кошачьей мочи, разбитые окна, заросшие плющом, отсыревшие комнаты... Когда он отворил дверь, приглашая меня в эти руины, я рассмеялась ему в лицо. От великого князя — в нищенскую хижину? Он вышел за едой, а я вернулась в Париж.

Но и неделю спустя я не смогла найти другое подходящее увлечение — вспоминала требовательный взгляд его черных глаз и силу рук. Я думала, как мы разделим хлеб и апельсины, которые он положит на стол вместе с несколькими ломтиками ветчины. Меня

все больше возбуждала мысль о нем как о любовнике, поэтому я вернулась на виллу, где ждал меня Пабло.

— Я знал, что ты придешь, — сказал он. — Когда я впервые увидел тебя, то понял: эта женщина хочет жить вечно.

Он начал рисовать меня сразу после того, как кончились апельсины, а потом мы отправились в постель.

Тридцать лет назад.

— Ты хотел бы снова написать мой портрет? — спрашиваю я, встаю с кровати, усаживаюсь на стул и принимаю позу натурщицы: одна нога перекинута через бортик, другая выставлена под углом, который когда-то обожали кубисты.

Он рассматривает меня и говорит:

— Нет, твое лицо слишком знакомо. В нем не найти ничего нового.

Но я вижу, как двигаются его зрачки, а указательный палец рисует кружок в воздухе. Какая-то линия в моей позе привлекла внимание художника.

Я смеюсь.

— Ты не сможешь меня обидеть, хотя собираешься это сделать. Я всегда буду моложе тебя, Пабло! Помни об этом.

Частица ночной нежности возвращается к нему, и он улыбается мне. По-прежнему с бритвой в руке, он поворачивается и смотрит на покрытое пеной лицо в зеркале.

— Прямо сейчас Франсуаза входит в ванную комнату с моим сыном Клодом. Я смешу их, проводя пальцем по пене для бритья и рисуя эскиз на своем лице. Клоун со знаками вопроса над глазами.

Пабло кладет бритвенный станок на край раковины, и тень печали ложится на его гордое лицо.